

С днем рождения, Сергей Федорович!

«Судьба человека»... «Война и мир»...
«Ватерлоо»... «Они сражались за Родину»...
«Отец Сергей»...

Для меня это сообщение столь неожиданно, что трудно в него поверить. Хотя мне самому уже — 52. А ощущение, что Сергею — 50, а мне — 25... Очевидно, лишь прожив значительную часть собственной жизни, можно ощутить в полной мере ее скоротечность.

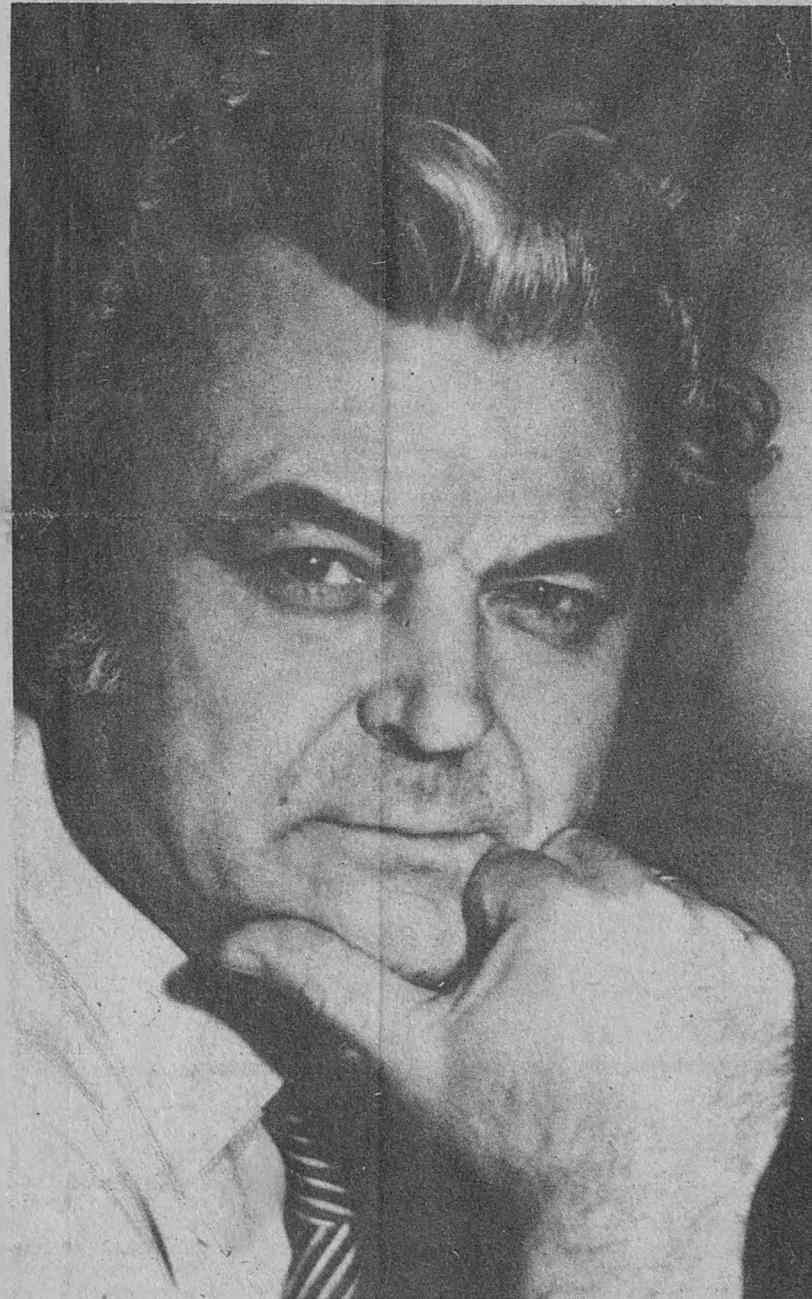
Сергей Федорович — это без преувеличения — целая эпоха в отечественном кинематографе. И чем больше проходит времени, тем очевиднее этот факт. То, что он совершил около трех десятилетий назад, взявшись за титаническую работу — «Война и мир» — можно определить как первую перестройку «Мосфильма». После Бондарчука «Мосфильм» делится вообще, на мой взгляд, на две эпохи: до «Войны и мира» и — после «Войны и мира». Это колоссальный акт мужества и широты мышления. Он замысливал такие вещи, которые казались неосуществимыми. До Сергея Федоровича «Мосфильм» ни таких масштабов, ни такой культуры производства не знал. Безусловно, уровень, заданный им, отразился на качестве последующих фильмов. Я не могу сказать, что «Война и мир» мне очень близка. С какими-то вещами я может быть и не согласен. Но это неважно. По техническому уровню картина была для того времени недостижима. Другой вопрос — не все его картины разнозначны. Однако, Бондарчук — один из очень немногих наших режиссеров, фильмами которых знает весь мир. Согласитесь, что это само по себе — знаменательно. Он — личность. И по-своему — уникальная. В определенном смысле, он напоминает мне Ивана Пырьева. В них обоих есть присутствие Достоевского. Как любая крупная личность он несет в себе помимо великих достоинств и великие заблуждения. Одно из таких заблуждений, и я ему всегда говорил об этом: ему не следовало писать сценарии для своих фильмов. Хотя Бондарчук стал Бондарчуком и мог уже не снимать больше ни одной картины, сняв одну-единственную — «Судьба человека». Для меня «Судьба человека» — одна из самых лучших картин советского кино вообще. Одна из самых пронзительных картин. Чтобы делать такого рода фильмы, нужна была огромная смелость.

Сергей Федорович — человек прямой, личность цельная и я бы сказал — чрезвычайно русская. Мне довелось работать с Сергеем как с актером на «Дяде Ване». Вспоминаю этот период своей жизни с огромным удовольствием. Хотя мы страшно ругались. Он оказался человеком чрезвычайно незловещим, упрямым. Но в то же время способным на переоценку своих поступков. Как-то недавно я сказал ему: «Ты мог бы сыграть Астрова намного лучше. Но не слушал меня. Не хотел быть некрасивым, пьяницей. Костюм привез из Италии... А Астров — провинциальный доктор»... — на что Бондарчук мне ответил: «Дураком был»... На такое способен только очень сильный человек. Он похож на дерево, стоящее в поле особняком. Есть люди, которые к кому-то примыкают. А есть люди, к которым примыкают. Я сейчас говорю не о политике. У нас сегодня, к сожалению, все разделено на партии. Кто — «за», кто — «против». В этом смысле Сергея Федоровича нельзя привязать к кому-то: к левым или правым.

Жизнь — штука несправедливая. У русских есть хорошая поговорка: «В ухо — Сидору, в ноги — Якову». На до или одного боготворить, или другого уничтожать. Это очень свойственно нашему сознанию. В этом, мне кажется, та же самая крайность в восприятии одного и недооценке другого. Мы не понимаем, что, уничтожая одно, взамен не создаем ничего равнозначного...

Я очень сожалею, что Бондарчук мало и редко снимает. Хочу пожелать Сергею хорошего здоровья и много новых картин. И несмотря на все перипетии, сказать, что очень его люблю.

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ.

Соб. архивы. — 1990. — № 4 — 50 севин (№ 50).